

**Боль любви или любовь боли (О книге стихов Евгения Черникова
«Песочные часы»)**

*Черников, Е.В. Песочные часы : стихотворения / Е.В. Черников. –
Каменск-Уральский: ОАО «Каменск-Уральская типография, 2016. – 44с.*

Книга столь многослойная, сколь и немногословная. Ироническая, на первый взгляд, тональность таит в себе глубокую осмысленность и очень мужской уровень ответственности за каждое слово, каждую букву... Слова вымерены, выверены до крупиц:

*«Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:
крупиц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
и росных капель и тугих былинки...».*

Строгие, аскетичные и дисциплинированные стихи вызывают ощущение лёгкой оторопи, будто бы попадаешь в казарму и, кажется, что музыке, стихии здесь мало места, ей тесно. Но стихи звучат внутри, подспудно! Они имеют внутреннее нелинейное наполнение, им присуща концентрированная мера боли и любви, без которой поэтический материал, какой бы он ни был внешне организованный, не превратится поэзию. Боль и любовь здесь есть! Более того, эти слова-чувства слиты воедино, они взаимнопроникающи. Это некая сильно сплавленная боль любви и\или любовь боли. Именно это новое чувство, с уверенностью пророка смущает читателя в стихотворении, состоящем из четырёх слов и одной цифры:

*«1937 год
от
Рождества Христова».*

Это же чувство, то по-детски отчаянно восклицает:

*«...Врут проклятые приметы
И поэты тоже врут,*

*Что России больше нету,
Что старухи перемрут...»;*

то цинично и развязно заявляет:

*«Тем летом, когда Россия и Грузия
Обзавелись совместным концерном
По производству осетинских консервов...»;*

достигает точки кипения в стихотворении «Трам-пам-пам»:

*«...сидишь на лавочке во дворе
где старики стучат в домино
и между делом ругают власть
трам-пам-пам
такую страну развалили
ещё хотя бы денёк украсть...».*

Это болеллюбовное чувство-состояние проходит сквозняком по всей книге и проявляется как в гражданских стихотворениях, так и в глубоко личных:

*«Высыхает молоко на губах, запекается кровь.
Первая любовь превращается в чужую бабу:
выбоины её, мои ухабы
не совпадают – в глаз, а не в бровь
бьёт время...».*

Поэт уязвим и силен благодаря одному удивительному свойству – распластанности во времени и пространстве. Он может чувствовать и переживать события в осязаемом настоящем, отдалённом прошлом и даже в будущем. Так, «забор, сколоченный из дверей», где «каждая дверь казалась другой старей» с помощью тончайше выхваченных деталей переносит нас попеременно в непростые эпохи Брежнева, Хрущёва, Сталина. Поэт не то чтобы чувствует чужую боль как свою, для него границы боли условны и проницаемы:

«...тем летом, когда блицкрига

*была распечатана бочка,
я слышал деревьев крики
и не написал ни строчки».*

Но вместе с тем и радость, и любовь поэт проживает столь же глубоко
и обширно:

*«Потерялись
ключи, кошелёк,
записная книжка,
тёмные очки.
Остались
солнце,
твоя улыбка,
пыльные башмачки,
лес, от запахов пьяный,
матовое плечо...
Нас полонит поляна,
закрытая на учёт».*